

жимый дух народа двигал его изнутри и определял его судьбы. Так как и всякий народ в истории, это один организм, одно лицо и одна судьба. М.О. Гершензон рассматривает личность с помощью феноменологического метода и переносит его на нацию, где каждая отдельная личность является индивидуальной, но все вместе они составляют некий единый организм, такой как нация. Поэтому у народа осталась только религия и с нею рожденное чувство национального единства. Это единство он находит в чувстве единения и отчужденности от других народов, в желании отрешиться от всего неизменного. Лишь став абсолютно вне мира, будучи связанным, только вместе с теми или иными его проявлениями, евреи первыми войдут в царство истинной духовной свободы в широком смысле этого слова – в царство человеческого будущего. В свою очередь для достижения свободы религия предлагает два средства: во-первых, держать свое сознание космически открытым, не замыкать его человеческой окружностью; во-вторых, в человеческом круге держать свое сознание социально открытым, не замыкать его личной окружностью. Исходя из этого, цель народа М.О. Гершензон видит в дальнейшем самообнаружении внутренней сущности еврейского народа. Поэтому необходимо отказаться от национальной идеи, от еврейского национализма, чтобы получить абсолютно полную свободу движения во всех смыслах. А сионизм, как творчество на своей земле и на своем языке – «грех». Нация не должна непременно быть свободной на одной территории, чтобы ее творчество было национальным: она творит во всяком случае и при всяких условиях.

Таким образом, сохранение национальной идентичности – это не только практическая, но в большей степени теоретическая, связанная с её осмыслением на современном этапе.

Список цитированных источников

1. Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – №10. – С. 3-16.
2. Гершензон, М.О. Судьбы еврейского народа / М.О. Гершензон // Тайна Израиля: «еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца IX – первой половины XX веков. – СПб.: София, 1993. – С.468-495.
3. Копельман, З. Комментарий к одному письму М.О.Гершензона / З. Копельман // Вестник еврейского университета. – Сер. История. Культура. Цивилизация. – 2000. – №4. – С.311-320.

КАПИТАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Семёнова Л.Н.

Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск, Беларусь

Возможности системного подхода в гуманитарных науках поистине безграничны. Это связано с богатством содержательной сути понятия системы и её различных аспектов, например, сферы конструирования систем (мыслительный процесс или познаваемый объект), компонентов системы (элемент, связь, отношение, структура, окружающая среда и т.д.), масштабов системы. Благодаря изменению масштаба, исследователь может включать в системную рамку самые разнообразные реалии объекта познания от малых до великих. Как постмодернистским «паспорту» (с франц. рамка со специальной прорезью, позволяющая помещать картинки или фотографии внутрь и менять их; в широком смысле отмычка, универсальный ключ) он обозначает в познаваемой реальности необходимые значимые фрагменты будь то в виде систем, структур, элементов.

Такой приём позволяет избежать методологического редукционизма, возможного при системном подходе, когда характеристики одного элемента пытаются распро-

странить на систему в целом. Для сложных систем это недопустимо. Поэтому исследователь конструирует, выбирая из реальности, и анализирует разные системы, не смешивая и не совмещая их, но переходя от одной к другой. При этом изучение одного элемента или малой системы отнюдь не бывает проще, чем более большой, включающей в себя первую. На это обратил внимание К. Маркс – величайший мастер применения системного подхода. Он подчеркивал, что «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела». Человечество крайне сложно постигало смысл такой, казалось бы, внешне простой вещи, как товар, тогда как уже многое знало о формах экономической организации [1, с. 5–6]. Знание большой системы как раз порой и проливает свет на ее малые подсистемы и отдельные элементы.

Изменение масштаба рассмотрения позволяет наполнить предмет новым смыслом. Это хорошо известно на примере многих общественных категорий. Например, экономика в научно-исследовательском дискурсе разворачивается от микроэкономики (хозяйственного режима семьи, домохозяйства, конкретного предприятия) через макроэкономику (ограничиваемую денежными потоками внутри страны), мир-экономику (определяемую Ф. Броделем на основе самодостаточности) до глобальной экономики в масштабах всего земного шара. Категория «демократия» также проявляется в разных системах координат: на микроуровне как способ построения отдельных организаций и общностей, на макроуровне как политическая система или политический режим страны, на глобальном уровне как политическое управление в мировой системе.

Модификация масштаба системного подхода характерна и для исследования такой знаковой категории, как «капитализм». Благодаря многочисленным ракурсам системного анализа можно представить капитализм в разных ипостасях и координатах, начиная от «клеточки» до «развитого организма», от товара до способа производства, от региональных финансовых рынков до миросистемы.

По мнению многих историков, капиталистические отношения впервые возникли в Европе в итальянских городах в XIV в., более широко стали распространяться в XVI в. Укоренение понятий, фиксирующих этот процесс, как показал знаменитый французский историк Ф. Бродель, происходило тоже крайне неравномерно. Слово «капитал» (от позднелат. *caput* – голова) появилось около XII – XIII вв. в значении «ценности, запас товаров, масса денег, деньги, приносящие процент» [2, с. 231]. Со временем слово всё чаще стало обозначать прежде всего денежный капитал. Понятие «капиталист» в значении обладателя денежных состояний восходит к середине XVII в. [2, с. 234]. Абстрактное понятие «капитализм» практически не встречается ранее середины XIX в. Даже К. Маркс его не употреблял. В научный дискурс понятие было введено книгой В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902) [2, с. 236].

Все ученые-экономисты нового времени так или иначе касались этого явления. Однако существенных успехов на этом поприще удалось добиться основателям и сторонникам марксистской традиции. Блестящий и непревзойденный анализ капитала осуществил Карл Маркс. В труде «Капитал» он создал объёмную стереоскопическую картину капитала, тщательно прописав мельчайшие детали и целостную панораму.

Самой масштабной панорамой рассмотрения капитализма для К. Маркса выступает капиталистический способ производства. Он развивается в рамках вторичной экономической общественной формации после таких способов производства, как античный (рабовладельческий), феодальный, азиатский, и будет сменен социалистическим. Экономической общественной формация названа по причине доминирования в ней экономики («процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства»), в отличие от первичной и третичной формаций с доминантой социально-культурных и духовных отношений. Первоначальным элементом системы капитализма, или мельчайшим масштабом системного подхода при его исследовании,

Маркс считает товар. «Капитал» начинается словами: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства» [1, с. 35]. Выявив две сущности товаров в виде потребительной и всеобщей стоимости, Маркс конструирует процесс обмена, в котором происходит «метаморфоз товаров», выраженный в формуле товарного обращения $T-D-T'$. Развитое товарное обращение неизбежно приводит к процессу превращения денег в капитал. « $D - T - D'$ есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения» [1, с. 149].

Противоречия этой формулы невозможно разрешить без обращения к сфере производства, где и производится прибавочная стоимость, становящаяся прибылью D' . Как подчеркивает Маркс, для капитала недостаточно существования товарного и денежного обращения. «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы... Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства» [1, с. 162]. Признав, что торговый и ростовщический (финансовый) капитал, действующий в сфере обращения, присутствует во всех некапиталистических способах производства, Маркс сосредоточился на изучении производительного индустриального капитала, вокруг которого и сформировался капиталистический способ производства. На основании этого итальянский экономист и социолог Дж. Арриги сделал вывод, что марксов анализ капитализма как способа фабричного производства кажется частным (т.е. ограниченно верным) случаем из западноевропейской практики XIX – начала XX в. [3, с. 7]. Хотя это большая натяжка, вырванная из контекста огромного исследования. Тем не менее, никто не оспаривает тот факт, что этот способ производства изучен Марксом досконально. Маркс наметил поступательную смену видов капитала и способов производства в контексте прогрессивного развития. Тогда как сегодня в рамках синергетической картины мира, отрицающей четкий вектор прогресса, речь идет о сосуществовании всех видов капитала и о циклической смене доминирования финансового и производительного капитала для решения необходимых задач.

Фернан Бродель высоко оценивал творческое наследие марксизма и разделял многие его положения. Неслучайно его наряду с Марксом относят к культурно-материалистической школе изучения цивилизаций, в которой факторы экономики и материального производства признаются определяющими для общественного развития. Бродель предложил новую конфигурацию социального мироздания, основанную на методе глобальной истории, согласно которому единая историческая ткань структурно расчленяется на «сотни сценических площадок», действующих в разных временных и территориальных порядках. В контексте этой конфигурации он сформулировал оригинальный концепт капитализма. Мощный научный темперамент структуралиста дает возможность Броделю видеть многослойность любой исследуемой реалии, что на языке системологии можно выразить, как ощущение полиструктурности сложных систем. В многослойной экономике Броделя прежде всего интересуют экономические коммуникации, различные формы коммерческой деятельности, «игры обмена», начиная от «нижних пределов» труда разносчиков, сельских и городских открытых рынков до «верхних пределов» разноголосых карнавальных ярмарок, международных бирж, кредитных учреждений (в период XV–XVIII вв.). Бродель делает своеобразную «очную ставку» между двумя разными пластами экономики: яркой, шумной, открытой «рыночной экономикой» и закрытым от многочисленных пытливых глаз «капитализмом» и находит между ними серьезное противоборство. Броделю важно показать «сектора», где капитализм «был у себя дома» (финансы, торговля), и напротив, лишь

«вгрызался в чужие владения, но часто и уходил оттуда», «был в гостях» (земледелие, промышленность, транспорт). В основном на большей территории Европы и всего мира к XVIII в. капитализм был в гостях. В Европе сформировались лишь отдельные зоны, продвинувшиеся вперед по капиталистическому пути, но они были в меньшинстве [2, с. 289]. В них у себя дома капитализм был на вершине торговой иерархии, особенно крупных международных торговых операций, да еще тогда, когда ему «благоприятствовало государство» [2, с. 567]. Наиболее подходящий для капитализма сектор, найденный Броделем применительно к XV–XVIII вв., оказался таковым и в наши дни. Территориальные пределы и интенсивность экономических взаимодействий легли в основу определения границ миров-экономики – удивительно плодотворного концепта Ф. Броделя, которые он определял как «замкнутые пространства, конституировавшиеся как особые миры, как самостоятельные куски планеты» [2, с. 628]. В них поразному вызревал и рос капитализм, прежде чем стать мировой системой.

В исследуемый Броделем период этого не произошло, и инициатива была подхвачена известным американским ученым Иммануилом Валлерстайном. Созданную им школу миросистемного анализа относят к одной из современных версий неомарксизма, что позволяет нам отнести этих трех авторов к одной научной традиции. Если Бродель исследовал динамику финансового капитализма XV–XVIII вв., Маркс – по преимуществу индустриального капитализма XIX в., то Валлерстайну удалось завершить эту картину, выведя капитализм из марксовских экономических отношений и броделевского верхнего уровня торгово-финансовых операций до мирового явления – международной системы с собственной жесткой иерархией. Эта система в соответствии с терминологией школы называется «единая миросистема – капиталистическая мир-экономика». Она начала формироваться с XVI в., достигла определенной степени зрелости в XIX в. и вступила в полосу заката в конце XX в. По-настоящему рассмотреть эту систему оказалось возможным лишь подводя, по выражению Валлерстайна, её балансный отчет. Валлерстайн определяет капитализм как «прежде всего и главным образом историческую социальную систему», «исторический капитализм» [4, с. 76]. Основополагающим элементом этой системы является капитал, используемый (вкладываемый) совершенно особым образом. «Главной целью или главным намерением его использования стало саморасширение» [4, с. 76]. Объективной тенденцией развития капиталистической мир-экономики является товаризация (превращение в товар всего, особенно рабочей силы и земли), а также коммерциализация и механизация. Транснациональность всех товарных цепей и определила выход капитализма на широкую международную арену и неизбежность осевого разделения последней на центр (ядро) и периферию. По словам Валлерстайна, «зону, теряющую прибыль, мы можем назвать периферией, а приобретающую – ядром» [4, с. 89]. Перемещение продукта в ядро концентрировало там капитал и открывало большие перспективы для его инвестирования, в том числе и в механизацию. Это приводило ядро к существенной модернизации, а периферию отбрасывало от неё.

Три выдающихся автора разработали разные варианты системного анализа капитализма. Каждый из них стал возможным в свое время развития капитализма. Марксу трудно было увидеть то, что стало очевидным для Валлерстайна. Все три варианта анализа взаимно дополняют друг друга, рождая новые ракурсы, позволяющие раздвинуть содержательные горизонты капитализма.

Модификация системного подхода позволяет разворачивать панораму капитализма от первоначальных элементов до целостностей. Первоэлементом, микросистемой здесь выступает капитал, стремящийся к расширению и тем самым, подчиняющий своей логике все социальные процессы. Если броделевский капитализм еще пребывал на верхних этажах финансовых рынков, являвшихся лишь малой частью экономи-

ки, марксов капитал стал основой капиталистического способа производства, ставшего базисом буржуазного общества. Капитал Валлерстайна уже глобален, оплодотворив собой миросистему в целом.

Все системные подходы чрезвычайно актуальны для постижения современности. Интенсивность глобализации подтверждает существование единой миросистемы – капиталистической мир-экономики. В настоящее время в ней доминирует финансовый капитал, по словам П. Друкера, раздувший символическую экономику денег и кредита в ущерб реальной экономике товаров и услуг [5, с. 183]. Индустриальный капитал переживает не лучшие времена, уходя из американско-европейского центра миросистемы на Восток, вступивший в полосу модернизации и индустриализации. Удачную характеристику современной экономике дал Ф. Фукуяма – «слабо регулируемый глобальный финансовый капитализм» [6]. Если Бродель был противником социологии прогресса, то Маркс и Валлерстайн видят в капитализме исторический этап, который сменится другим этапом. Прогнозы Маркса о конце капитализма век назад не сбылись. Капитализм нашел в себе силы и в очередной раз модернизировался во многом за счет социального государства. Теперь с аналогичными прогнозами о конце исторического капитализма выступает Валлерстайн. Заметим лишь, что развитие социального государства в сегодняшних условиях вряд ли возможно при сохранении сути капитала.

Список цитированных источников

1. Маркс, К. Избранные сочинения: в 9-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1987. – Т.7: Капитал. Критика политической экономии. Т.1. – 811 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель; 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Из-во «Весь мир», 2011. – Т.2. Игры обмена. – 672 с.
3. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Издат. д. «Территория будущего», 2006. – 472 с.
4. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн; пер. с англ. К.А. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
5. Друкер, П. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении / П. Друкер; пер. с англ. Л. Нахапетян. – М.: СП «Бук Чембэр Интернэшнл», 1994. – 380 с.
6. Фукуяма, Ф. Будущее истории / Ф. Фукуяма [Электронный ресурс] // Мировой кризис. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/948519>. – Дата доступа: 02.03.2012.

СУБЪЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Сребалюс Й.

Вильнюсский технический университет им. Гедимина, г. Вильнюс, Литва

Введение. Трансформация общественных отношений – это диалектический процесс интеграции и дифференциации духовных, производственных и политических сил человека. Творческая сила человека как субъекта трансформации общественных отношений кроется в комплексе системных связей, которые отражены в понятии «отечество». Как непосредственная культурная, экономическая и политическая среда человека отечество выступает:

- 1) как система продуктивной трансформации, обуславливающая стабильность и структурный порядок социальной жизни;
- 2) как система трансформации синергетических контактов (ценности и нормы);
- 3) как способ гармонизации интересов, этических и прагматических мотивов деятельности современного человека;
- 4) как единое бытие человека и народа.